

Обстановка была пугающе знакома. Сюй Сяочжэнь почувствовал, как сжалось в животе. Тело само вспоминало последствия прошлого раза — и унижение, и боль, и взгляды чужих людей.

Он до сих пор не мог смотреть в глаза друзьям Гу Яня. И даже не хотел представлять, что они могли говорить о нём за спиной.

Он должен был остановить Гу Яня. Схватить его за руку, не дать уйти. Разобраться дома, а не на людях. Или хотя бы съесть что-то перед выпивкой — чтобы желудок не разъело, как в прошлый раз.

Но стоило ему выйти за дверь, как раздался звонок. Шэнь Ле.

— Братик! Братик, я боюсь! Кто-то хочет сорвать с меня одежду!

В трубке раздавались пьяные мужские крики.

Сюй Сяочжэнь оцепенел. В Первом секторе? Такого не должно было быть. Но представить, что его хрупкого, красивого брата могут окружить... руки задрожали, кровь застыла в венах.

Гу Янь взрослый, с ним ничего не случится. А вот Шэнь Ле...

— А Ле! Где ты? Быстро скажи адрес!

Получив его, он выскочил на улицу, остановил машину:

— А Ле, не бойся! Я уже звоню в полицию! Если они хотят денег — отдай им, не сопротивляйся!

— Братик! Они идут! Братик, спаси меня! — надрывался в трубке Шэнь Ле, голос дрожал.

Сюй Сяочжэнь чуть не плакал сам, прижимая телефон к уху, торопя водителя:

— Быстрее, пожалуйста, быстрее!

— И чего он туда полез, в такую дыру... — буркнул под нос водитель.

— Братик, мне страшно, пожалуйста, скорее... — голос в трубке был жалобным, почти детским.

А в это время сам Шэнь Ле — всё такой же изящный и хрупкий внешне — вцепился в волосы одного из альф и со всей силы ударил его головой о кирпичную стену. Хруст, кровь, крики боли. Альфа обмяк, захлёбываясь в собственном стоне.

Брызги крови попали Шэнь Ле на щёки, на белую рубашку. Он был прекрасен и жуток одновременно. Он обвёл взглядом остальных, дрожащих от ужаса.

Безмолвно, одними губами:

— Медленно. Один за другим.

Альфы были бледны, как смерть. Но феромоны высокого ранга, исходящие от Шэнь Ле, сковали их — ни один не посмел двинуться. Побег был невозможен.

А он, всё так же нежно причитая в телефон:

— Братик, я боюсь... очень боюсь...

И — очередной удар. Череп трещал, как сухая скорлупа.

Контраст был слишком жёстким, словно хоррор наяву.

Это был винный переулок. Место, куда не совали нос приличные люди. Ночью тут кишело пьяными альфами. Или не пьяными — просто дающими волю злу под прикрытием алкоголя.

Они не почуяли феромонов Шэнь Ле. Подумали: наивный, слабый бета. Идеальная мишень.

Но они ошиблись. Всё было наоборот. Альфы — прирождённые преступники. Чем выше ранг, тем опаснее. Их жестокость — как бомба с таймером: ей нужен выход.

Шэнь Ле, наглотавшись злости от Гу Яня, нуждался в выпуске пара. Винный переулок был для этого идеален — даже полиция туда не суется.

Он швырнул последнего несчастного об стену, словно тряпичную куклу. Лизнул губы, на которых засохла кровь. Схватил влажные от пота волосы, откинул их назад — и с усмешкой велел всем убираться.

Кровь стекала по его вискам, цеплялась за ресницы. Белоснежная рубашка, раскрасневшееся лицо, белоснежные зубы и губы цвета граната — он был как роза, усыпанная кровью. Альфы, забыв о достоинстве, в панике разбежались, как крысы.

Когда приехал Сюй Сяочжэнь, полиции ещё не было и в помине. А может, и не приедут вовсе — на этот район сыпались десятки вызовов ежедневно.

Шэнь Ле бросился ему в объятия, дрожал, на губах бормотание:

— Братик... я... я побил их... я просто грустил, хотел выпить... а они... они хотели меня... я испугался... и они... кровь, столько крови...

Сюй Сяочжэнь быстро осмотрел его с головы до ног — серьёзных травм нет. Но он дрожал, как осиновый лист. Сюй Сяочжэнь только и повторял:

— Всё хорошо. Главное, ты цел... Главное, ты цел...

Он вызвал такси, обнял его, помог сесть в машину.

Шэнь Ле, хоть и выше его, в этот момент был словно бескостный — прилип к брату, всхлипывая. Водитель косился в зеркало, думая про себя: «Вот уж поколение... Даже омеги теперь двухметровые.»

Дома Сюй Сяочжэнь усадил его, вымыл полотенце, стал вытирать ему руки и лицо — аккуратно, тщательно, как в детстве.

— Братик, я... я хочу в душ. Но совсем нет сил... — Шэнь Ле поднял на него заплаканные глаза.

Сюй Сяочжэнь подумал, что он всё ещё в шоке. А Шэнь Ле... был в предвкушении.

Он представлял, как брат ведёт его в ванную, как его руки осторожно снимают одежду, как горячая вода стекает по их телам. Как всё будет "по-доброму", "по-детски" — а потом он сможет попросить и об обратной заботе...

Один этот образ вызвал у него возбуждение. Он знал, что в тот момент едва ли сможет сдержаться.

Он фантазировал: будет ли Сюй Сяочжэнь пугаться? Или он его обманет, убедит, что так между братьями бывает? Что помогать друг другу — это нормально?

Но Сюй Сяочжэнь тут же убил все эти грязные мечты:

— Нельзя. После стресса душ — плохая идея. Ты слабый, можешь простудиться.

Он снова выжал полотенце, тёплое, влажное, и мягко стал вытирать его лицо, как раньше.

Туда-сюда, туда-сюда — не давая сказать ни слова.

Сюй Сяочжэнь вытер Шэнь Ле лицо, волосы, руки. Затем уложил его в постель, аккуратно накрыл одеялом.

— Братик... жарко. Можешь помочь мне переодеться? — Шэнь Ле ёрзал под одеялом, притворяясь, что ему душно. На деле — всё та же игра: переодевание требовало снять с него одежду. А цель была именно в этом.

Сюй Сяочжэнь задумался, пошёл к гардеробу, порылся... и вернулся с пустыми руками.

— А где пижама? — Шэнь Ле привстал, нетерпеливый.

— Нет у тебя нормальной пижамы, — нахмурился Сюй Сяочжэнь, придавил его обратно в кровать. — Всё тонкое, ни одной тёплой. В такую погоду простудишься. Ты ведь один, кто будет за тобой смотреть?

Он приподнял одеяло, посмотрел на одежду:

— Ладно, это достаточно тёплое. В ней и спи. А завтра я тебе куплю что-то подходящее.

Шэнь Ле замер. Моргнул:

— Но твой парень же дома ходит чуть ли не голый. Я ведь тоже альфа, не заболею...

Сюй Сяочжэнь, услышав про Гу Яня, вспомнил всё, что вытеснил из головы. В глазах мелькнула тревога. Но он не мог бросить Шэнь Ле. Только ласково погладил его по голове:

— Нельзя сравнивать. Гу Янь — крепкий. А ты — нет. Спи, ладно? Я уйду, когда ты уснёшь.

Шэнь Ле сам копал себе яму. Хотел жалости, а получил — заботу. Хотя пот с него ручьями лился, он не смел сказать ни слова: ведь он «слабый».

В комнате было темно, занавеси плотно закрыты. Шэнь Ле сжимал руку Сюй Сяочжэня. Он не заметил, как лицо брата покраснело, но видел, что тот всё ворочается.

— Неприятно? Ты всё ещё боишься? — тихо спросил он.

— Угу... — пробормотал Шэнь Ле. — Братик, лежи со мной...

Сюй Сяочжэнь задумался. Но они ведь и раньше спали вместе. Он обнял его, позволил положить голову себе на грудь и мягко поглаживал спину:

— Спи. Какую песню хочешь?

Все грязные мысли испарились, едва он услышал этот тёплый голос. Остался только стук сердца и ладонь на спине.

Сюй Сяочжэнь пах чистотой и чем-то сладким. Как в детстве. Шэнь Ле будто снова стал маленьким.

Тот не ответил, и Сюй Сяочжэнь начал напевать сам:

— Ясный месяц,

тихий ветер,

листья скрыли подоконник...

Шэнь Ле не прослезился. Наоборот — внутри всё горело от ненависти.

Но под этот голос... он уснул.

Сюй Сяочжэнь дождался, пока дыхание брата выровняется, осторожно встал, укрыл его и ушёл.

Но как только он пошевелился, Шэнь Ле открыл глаза.

Он смотрел, как уходит брат. И снова чувствовал пустоту. Неужели он — всё равно не важнее этого ублюдка Гу Яня?

Внутри — новая зарубка. Очередной долг, который Сюй Сяочжэнь когда-нибудь отдаст.

...

В этот раз Гу Янь не звал никого — только Чжоу Цзиншуо. В глубине души он больше всего доверял именно этому двоюродному брату.

На столе — целая батарея бутылок. Гу Янь молча сидел на диване, ноги скрещены, сигарета в пальцах — ни разу не затянулся. Хмурый профиль, взгляд — в экран телефона.

Только Чжоу Цзиншуо нервно прихлёбывал спиртное. Музыка не было вовсе — гробовая тишина.

Питьё шло тяжело. Спиртное без фона — горько и сухо.

Он мог только догадываться, что брат снова устроил бурю. И, скорее всего, с малым. Скажем честно — он переживал за их отношения. Потому что, если кто и мог выдерживать характер Гу Яня — так это Сюй Сяочжэнь. С его официальной омегой всё бы давно закончилось: та — не из простых, характером не уступит.

Тишина висела гнетущая. Вдруг Гу Янь заговорил. От неожиданности Чжоу Цзиншуо вздрогнул.

— Три часа.

— Что? — он отложил бокал.

— Я ушёл три часа назад. За всё это время — ни одного звонка. Ни одной смс. — Он показал экран телефона.

Чжоу Цзиншуо заглянул мельком. Вся переписка — односторонняя. Сюй Сяочжэнь писал, умолял, звал. А брат — камень. И теперь ещё жалуется, что тот не звонит.

Но вслух он этого не сказал. Только поинтересовался:

— И из-за чего вы на этот раз?

Гу Янь, промолчав три часа, не выдержал. Залпом осушил стакан, выдохнул и начал рассказывать, как всё произошло. Чжоу Цзиншуо слушал — и всё больше офигевал.

— И это я виноват? Сюй Сяочжэнь слепой! Не видит, кто к нему по-настоящему относится! Этот лис — подлый, скользкий! А я для него — никто?! Я, когда уходил, он на коленях стоял, умолял остаться! Пусть теперь живёт с этим мерзавцем! — Гу Янь с грохотом швырнул бокал обратно на стол.

Он не стал рассказывать, что на самом деле Сюй Сяочжэнь никого не умолял. Просто придумал. Гордость не позволяла признать, что Сюй Сяочжэнь выбрал другого.

Чжоу Цзиншуо кивал, поддакивал, но внутри смеялся. Вот оно. Наконец-то брат получил по заслугам.

Он знал: Гу Янь почти никогда не задумывался над своими поступками. Жил по принципу силы: захотел — забрал. Разозлился — подавил. Всё просто и всё работает.

Но теперь... Появился Шэнь Ле. И это конец.

С таким лисом по-другому нельзя. Нужно тонко, осторожно, хитро. А Гу Янь — с детства в авторитете, к подобной игре не приучен.

«Посмотрим, как ты теперь выкрутишься», — подумал Чжоу Цзиншуо, бросив взгляд на мрачного брата.

Он знал: против зелёного чая побеждает только тот, кто сам — ещё зеленее. А у Гу Яня этого таланта точно нет.

Чжоу Цзиншуо поднял бокал и чокнулся с Гу Янем:

— Ну что, брат, остаётся только пожелать тебе удачи.

Он был слегка на удивлен. Ведь ещё недавно его брат спорил, что за полгода избавится от Сюй Сяочжэня. А теперь вот — сидит напротив, напившись, с потухшим взглядом.

Серьёзно влюбиться в бету? Это же в их кругу — почти позор.

Он осторожно спросил:

— Брат... ты не влюбился в Сюй Сяочжэня по-настоящему, да? Просто он с кем-то загулял — а ты так злишься? Ну он не слушается — так найди другого.

Настоящая любовь?

В груди Гу Яня что-то дрогнуло. И тут же он отмахнулся:

— Я просто ещё не наигрался. Меньше болтай.

Чжоу Цзиншуо взглянул на часы:

— Ну, хватит его морозить. Может, пусть приедет за тобой? А если всё ещё злишься — пусть, как в прошлый раз, выпьет за это.

Прошлый раз...

Сюй Сяочжэнь тогда плакал до самой ночи. Простыни пропитались его слезами. Гу Янь сжал горло, с трудом сглотнул. Боль в груди накрыла волной. Он оттолкнул руку брата, тянущуюся к телефону:

— Не звони.

Три часа.

Этого хватило, чтобы Гу Янь понял: он — не главный. Не для Сюй Сяочжэня. Там, где раньше он был центром, теперь — пустота. И эта пустота называется Шэнь Ле.

Сюй Сяочжэнь считает его жестоким, тираничным. Не таким ласковым, как тот «лисенок».

Гу Янь не мог принять, что он больше не первый.

Он должен был взорваться, закатить скандал, отвоевать своё место. Но что-то подсказывало: этим он только даст новому сопернику больше поводов.

Когда Сюй Сяочжэнь был один, у него не было выхода. А теперь — есть. И Гу Янь чувствовал, как под ногами уходит почва.

Нет. Так просто он его не отпустит. Три часа молчания. А что, если... это опять проделки Шэнь Ле?

Гу Янь аж подскочил. Почему он раньше не подумал? Схватил куртку, кинул карту Чжоу Цзиншуо на стол:

— Плати. Я пошёл.

— Брат, подожди! — Чжоу Цзиншуо хлопнул себя по лбу. — Чуть не забыл! Ты же уже полгода не ставил себе ингибитор! Твой феромон опять срывается!

В их время это решалось просто. Любой неженатый альфа или омега мог каждые полгода ставить укол, чтобы подавить течку или острую чувствительность.

Да здравствует прогресс. Да здравствует государство.

...

Прошло три часа. Сюй Сяочжэнь так и не решился позвонить Гу Яню. Он сидел на диване, сжавшись в комок, обняв колени, и вглядывался в экран телефона, словно ждал приговора.

Он заставил себя съесть немного хлеба, но стоило вспомнить вкус алкоголя — подступила тошнота.

Зазвенел замок. Гу Янь вошёл, напряжённый, но, увидев Сюй Сяочжэня, облегчённо выдохнул.

Он подошёл ближе, и Сюй Сяочжэнь инстинктивно отпрянул к краю дивана. Взгляд избегал, движения — полны тревоги.

Гу Янь остановился. Почему? Почему он его боится?

Разве он плохо к нему относился? Он же дал ему всё — деньги, возможности, будущее! Он мог не работать до конца жизни!

Почему же Сюй Сяочжэнь любит этого мусора Шэнь Ле, а его — боится?

Алкоголь стучал в висках. В голове — пульсирующая боль. Мысли путались. Всё было нормально... пока не появился этот лис.

Гу Янь глубоко вдохнул, сжал пальцами переносицу. Он должен поговорить спокойно. Должен...

— Принеси воды, — сказал он ровно.

Сюй Сяочжэнь тут же вскочил, налил стакан тёплой воды и передал. Казалось, ситуация не так страшна. Может, он зря боялся. Может, Гу Янь — не такой уж и страшный.

Он даже осмелился коснуться его головы:

— Болит? Я помассирую? Не пей больше, ладно?

Но в этот момент Гу Янь почувствовал чужой запах.

Феромоны чёткие, насыщенные. Такой концентрации не бывает без физической близости.

Это был Шэнь Ле.

Ярость, ревность, животное чувство собственности накрыли его с головой. Голова гудела. Мысли слились в одну:

Сюй Сяочжэнь предал.

Сюй Сяочжэнь не успел опомниться — Гу Янь схватил его за запястье. Глаза налились кровью. Он смотрел на него, как муж, поймавший жену с любовником.

— Три часа меня не было. Что ты делал с ним?!

Запястье Сюй Сяочжэня болело. Он дёрнулся, пытаясь освободиться:

— Мы ничего не делали. Отпусти меня.

Но Гу Янь не слушал. Сжав его за плечи, притянул к себе, в глазах — буря безумной ревности:

— Я же чувствую на тебе его вонь! Весь пропах этим мерзким чайным душком! Ты весь им пропитан, как маринованное мясо! Моего запаха — ни следа. И ты смеешь говорить, что между вами ничего не было?!

Сюй Сяочжэнь и правда ничего не чувствовал — он же бета. Не знал, что альфы пользуются феромонами как метками, как оружием — чтобы запечатлеть на партнёре свой запах и заявить: это моё.

Он лишь знал, что утешил брата, испуганного, дрожащего. И теперь стоит перед разгневанным партнёром — и ждёт суда.

Сюй Сяочжэнь опустил глаза, ресницы дрожали. Голос стал тише:

— Шэнь Ле — мой брат. Ничего между нами не было. Он испугался после встречи с тобой, напился... его чуть не схватили на улице... Он дрожал. Я просто отвёл его домой. Наверное, испуг был слишком сильным — и он выпустил феромоны. Я случайно... перенял запах.

— Домой отвёл? Только и всего?! А запах такой, будто ты с ним в постели валялся! — Гу Янь был вне себя. Лицо перекошилось.

— Я только обнял его. Больше ничего, — Сюй Сяочжэнь вдруг поднял взгляд. Необычайно спокойно. Если бы не покрасневшие уши, он казался бы почти хладнокровным.

Но Гу Янь уже ничего не слышал. Ревность съела рассудок. Феромоны били из него, заполняя всю комнату. Он вцепился Сюй Сяочжэню в шею, впился в губы, и в следующую секунду опрокинул его на диван.

Сюй Сяочжэнь оказался под ним. Гу Янь одной рукой зажал оба запястья над головой, другой рвал с него одежду.

Раздался хруст ткани.

Одежда полетела клочьями. На белоснежной коже — красные следы, оставленные силой. Красиво, да. Но унинительно до боли.

— Гу Янь! Гу Янь! — голос Сюй Сяочжэня дрожал. Он звал любимого, с надеждой, с отчаянием.

Это имя — как последний якорь. Как попытка пробудить хоть крупицу человечности.

<http://bllate.org/book/14462/1279163>